

18+ *актови, ик*

Светлана Молчанова

Светлана Молчанова

Тактовщик

«Издательские решения»

Молчанова С.

Тактовщик / С. Молчанова — «Издательские решения»,

Он появился, когда казалось, что жизнь закончена. Он холодный и пугающий. Он забирает боль, но лишает свободы. Он — тень, которая не отступает. Кто он — благословение или проклятие? И можно ли отпустить того, без кого ты не можешь дышать? Эта книга о том, как пройти через потерю и найти в себе силы жить дальше.

© Молчанова С.

© Издательские решения

Содержание

Посвящается моему мужу...	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Тактовщик

Светлана Молчанова

© Светлана Молчанова, 2026

ISBN 978-5-0070-4661-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается моему мужу...

В моих попытках справиться с утратой
Блуждала я в плену своих тревог.
Себя я чувствовала виноватой.
Ну почему же Бог не уберёт?

Молилась, может, я неполноценно?
Ночами слишком крепко я спала?
Как получилось, что из жизни тленной,
Частица сердца моего ушла?

С тобой, мой муж, мы были одним целым.
Делили радость, с горем пополам,
Но ты ушёл. Стал дом осиротелым.
Исчезло всё. И нет конца слезам.

Дыхание срывается на крике,
И мука душу беспощадно рвёт,
Когда уходит жизнь любимого на пике.
Но сердце ждёт... А сердце ждёт.

25.05.2026 Молчанова С. Н.

Глава 1

Она порхала по лугу, кончиками пальцев касаясь высокой зеленой травы. И каждый шаг давался с такой лёгкостью, словно она ничего не весила. Глаза шурились от солнца. На губах сама собой появлялась улыбка.

Тёплый ветер игриво трепал длинные пшеничные локоны. Солнечные лучи трепетно касались кожи, даря благодатное тепло. Подол сарафана оббивал лодыжки светлыми волнами, когда она поворачивалась, чтобы взглянуть на того, кто шёл следом.

Она видела только его неясный силуэт, словно через мутное стекло. Но это было не важно. Она и так знала кто это. Тот, кто был бесконечно дорог ей. Его простое присутствие вызывало безграничное счастье. Упоение накатывало ласковыми волнами, согревая всё внутри. В её образе, прежде всего, чувствовалась безмятежность. Он был с ней — и больше ничего не нужно.

Её руки тянулись к нему, желая коснуться кожи, почувствовать пальцами его знакомое тепло. Все чувства обострились до предела. Странное томление в груди нарастало, заставляя дышать всё чаще, глубже, ненасытнее. Но любимый образ ускользал, не даваясь в руки. Это порождало нетерпение, трепетное волнение и смутное беспокойство.

Она в который раз протянула руки. Он был так близко. Она кожей чувствовала температуру его тела, ощущала вкус его дыхания на своих щеках, вдыхала его уникальный аромат. Она слышала его голос — нежный, трогательный, сладкий — но никак не могла разобрать слов. Глубокий тембр вызывал внутри странную дрожь, приятно разливающуюся по венам. Веки опустились. Казалось ещё мгновение и его губы коснутся её. И она растает, распадётся от блаженства в пыль.

А потом пришел звук. Настойчивый, чужой. Он вдавливался в голову, разбивая очарование момента. Приятные ощущения рассеивались, словно утренний туман. Она пыталась удержать это мгновение, цеплялась за грань забытья, но пробуждение неумолимо возвращало её в реальность.

Звонил телефон.

Она села, поёжилась от прикосновения стылого воздуха комнаты и, заспано шурясь, взглянула на экран. Час ночи. Знакомый номер. Теперь и внутренности сковало холодом. Можно было не отвечать. Она и так всё поняла. Ощущение дикой боли тисками сдавило сердце. Безысходность, пронзительная мука застучали в голове лихорадочным пульсом.

«*Нет! Нет! Нет!*» — твердило сознание.

Но звонивший был настойчив. Холодными непослушными пальцами она приняла вызов.

— Дарья Тихонова? — послышался ровный мужской голос.

— Да, — хрипло выдохнула она, судорожно сглатывая.

— Я звоню чтобы сообщить вам — у Савелия Тихонова, двадцать минут назад случился сердечный приступ. Мы сделали всё, что могли... — голос звучал устало, заученно, как у человека, который произносит эти слова не в первый раз.

На мгновение в трубке замолчали, будто собеседник собирался с мыслями или ждал её реакции. Но Дарья онемела. Она не хотела слышать продолжения, наивно надеясь, что если слова не будут произнесены вслух — случится чудо. Но надеждам не суждено было оправдаться.

— Ваш муж скончался.

И тогда наступила полная тишина. В трубке. В голове. В груди, где только что бешено колотилось сердце. А потом окружающий мир сузился до точки, застыл, погрузился в тугой вакуум. Уши заложило. Взгляд устремился в черноту комнаты и оцепенел. Тьма напознала,

поглощала все чувства, обволакивала, беспощадно вбирая в себя без остатка. Голос в трубке что-то говорил, мягко объяснял, но слова тонули в сознании, не принося понимания.

«Его больше нет» — стучало в висках.

— Дарья Евгеньевна, вы меня слышите? — донеслось издалека. — Вы понимаете, что я говорю?

— Да, слышу, — чужим, ровным голосом ответила она.

— Его организм не справился. Сердце уже несколько дней было на пределе. Это был не первый приступ, — нам дважды удавалось запускать его вновь. Но в этот раз...

Даша молчала. Слова застревали в горле. Она не верила. Отказывалась.

— Вы можете приехать за вещами, завтра в любое время с восьми утра до восьми вечера.

В голосе собеседника нота сочувствия диссонировала с поспешностью, с которой он ждал окончания разговора.

— Я поняла. Спасибо.

— Я вам соболезную. Держитесь.

В трубке послышались короткие гудки. Руки безвольно упали на одеяло, пальцы всё ещё сжимали корпус телефона.

— Мам? — послышался встревоженный голос сына из темноты. — Кто это был?

— Врач. Папа... умер, — делая паузы между словами, апатично отозвалась Дарья. Она сидела неподвижно, словно кукла.

И снова повисла тишина. Три удара сердца под мерный стук часов на стене. Тик-так, тик-так.

Послышались шаги. Он не включил свет, подошёл на ощупь и остановился на пороге её комнаты, не решаясь зайти внутрь. Ему было тринадцать, почти взрослый и всё ещё такой маленький. Он понимал, что нужен матери, и боялся. Шумно втянул носом воздух и сделал решительный шаг.

Матрац прогнулся под его весом. Застывшее тело женщины невольно качнулось ему навстречу. Его рука невесомо коснулась её плеча.

Она вздрогнула. Во мраке комнаты послышался тихий всхлип.

По её щекам текли слёзы — солёные, горячие. Ком в горле стоял горький и плотный — его никак не удавалось сглотнуть. Её пальцы дрожали. Из груди рвались отчаянные рыдания — не плач, а горький, безудержный вой, рвавший её душу и сердце сына на куски.

Он неловко, по-детски обнял её — одной рукой, другой упираясь в кровать. Он тоже плакал. Беззвучно. Не столько из-за смерти отца, которую ещё не осознал, сколько от непомерной боли матери. Он не хотел видеть её агонию, её муки. И ничего не мог сделать.

Совершенно ничего.

— Как же теперь? Что нам делать? — бормотала она между всхлипами.

Он сидел рядом напряженный, прямой, и его пальцы неловко гладили её плечо. Рыдания постепенно стихали, оставляя после себя изнеможение и растерянность.

Он убрал руку и вышел. Вернулся через минуту. Холодное стекло коснулось её ладони.

— Выпей воды, мам.

Голос сына стал для неё спасательным кругом. Она уцепилась за него, не позволяя себе утонуть в своём горе. Она не одна. Ради него она должна быть сильной.

— Спасибо родной. Я уже в порядке. Иди спать. — Она коснулась его руки и сделала глоток. Вода стекла по горлу, прохладная и чистая, смывая горечь, но почти не принося облегчения.

Он немного помялся, но всё же вышел и направился в свою комнату. В темноте коридора чётко слышались неспешно удаляющиеся шаги босых ног.

Глава 2

Она так и не смогла уснуть. Лежала, невидящим взглядом уставившись в потолок. Мысли кружились в голове, внушая страх наступления утра. Она боялась, что свет обнажит новые грани трагедии.

Дарья не запомнила когда именно сообщила близким о смерти мужа. Но к рассвету дом начал заполняться мрачными фигурами. Медицинские маски закрывали нижнюю часть родных лиц, делая акцент на растерянных взглядах. Неожданная ранняя смерть потрясла всех.

Савелию было сорок один. Только-только всё наладилось: семья, долгожданный сын, квартира, машина, престижная должность. Живи и радуйся. Но этот страшный вирус... Всего за несколько лет так или иначе болезнь коснулась каждой семьи. Унесла тысячи жизней, разрушила привычный уклад.

Мрачными тенями родные растеклись по квартире, негромко беседуя и сетуя на судьбу. Женщины украдкой вытирали слёзы. Мужчины смотрели тяжёлым взглядом, гулко переговаривались и куда-то звонили. В воздухе смешались запахи кофе, валерьянки и чего-то ещё — уныния и непоправимости. Каждый обнял Дарью, и эти прикосновения глухой болью отзывались в сердце.

Родители взяли на себя организацию похорон, и Дарья была им бесконечно благодарна за это. Она не знала, с чего начать: куда звонить, что делать. На это у неё попросту не осталось сил, сказались стресс и усталость от бессонной ночи. Даже присутствие самых близких людей лишь слегка притупили пульсирующую боль.

Она невольно следила за свекровью: Тамара Петровна держалась гораздо лучше неё. Даже после того, как потеряла единственного сына, она могла действовать. Сильная женщина. С Альбиной Васильевной, мамой Дарьи, они занимались на кухне, готовили, что-то обсуждали.

Под ногами постоянно крутился Лисик, пушистый рыжий кот, беззастенчиво выпрашивая лакомства. Он хрипло мяукал, тёрся о щиколотки. И радостно подпрыгивая, направился к миске, куда выложили пакетик корма.

Дарью заставили поесть, сунув в руки тарелку с едой. Она послушно жевала, не чувствуя вкуса, даже не понимая, что именно ест. Мысли окутала вязкая пелена. В душе копились вопросы с неизменным началом: «А что, если бы...» — но ни один не находил ответа. Она была измучена, потеряна, будто из неё вынули всё живое, оставив лишь безвольную оболочку.

День промчался, как в тумане, оставив после себя лишь тени воспоминаний. Они снова остались с сыном вдвоём. Макар практически не покидал своей комнаты, мрачный и бледный, зависал в интернете. Его длинные тёмные волосы спутанными прядями обрамляли приятное мальчишеское лицо, на котором застыло неуместное для подростка серьёзное выражение.

Мысли Дарьи неотступно возвращались к последним дням мужа: *«О чём он думал тогда? Всё ещё надеялся выкарабкаться — или уже сдался? Я столько раз говорила ему: Тебя ждут дома, ты нам нужен... Но слышал ли он меня? Помнил ли, или всё растворилось в его боли и слабости?»*

Камень в её груди никуда не делся, мешая дышать. Она целый день ничего не делала и всё-таки была истощена до предела. Когда именно провалилась в забытие, даже не заметила. Сон ускользнул из памяти, но осадок остался — вязкий, изматывающий, будто она всю ночь боролась с невидимой тяжестью.

Последующие дни слились в сплошную серую череду событий, не зацепившихся в памяти. Постоянно нужно было что-то делать: ездить, решать, подписывать. И это было хорошо — гораздо лучше, чем оставаться один на один с утратой. Бездействие угнетало ещё сильнее.

Из-за ограничений пандемии прощание проходило в особых условиях — без традиционной подготовки, порой даже в закрытых гробах. И это вызывало у Дарьи и родных острое

неприятие. Как же так? Не попрощаться? Поэтому, когда агентство ритуальных услуг за дополнительную плату предложило подготовить его тело — обмыть, одеть, — Дарья без раздумий согласилась. В тот момент для неё запрошенная сумма не имела значения.

Дрожащими руками Дарья написала с его страницы пост: нужно было сообщить о его уходе друзьям, знакомым, коллегам. В нескольких строках она указала дату и время прощания, едва сдерживая слёзы.

Тогда начали приходить сообщения с соболезнованиями, звонки. Переводы, порой даже от совершенно незнакомых людей, сыпались одно за другим. Её благодарность смешивалась с болью — рана была слишком свежа.

Наступил день похорон.

Организация, в которой работал Савелий, арендовала автобус. Желающих проводить его в последний путь, несмотря на пандемию, оказалось достаточно много. Его уважали, ценили. Вопреки расхожей фразе «незаменимых людей нет», Савелий был именно таким: незаменимым. Огромная потеря для всех, кто его знал. Он был душой любой компании — отзывчивым, ответственным, весёлым.

Был...

Дарья сидела в катафалке рядом с гробом. Она не билась в истерику, не плакала. Она была как оболочка, в которой царила всепоглощающая пустота. Савелий был так близко — и в то же время недостижим.

На кладбище крышку гроба открыли. Однако по договоренности с агентством ближе нескольких метров к телу покойного подходить строго запрещалось. Однако для Дарьи увидеть его в последний раз, хоть и издалека, было крайне необходимо. В глубине души она всё ещё отказывалась верить в случившееся. В сознании теплилась робкая надежда: *«Может, произошла какая-то ошибка? В реанимации всё напутали, а Савелий жив...»* Она живо представляла, как он скоро вернётся — с той самой обаятельной улыбкой — и произнесёт: *«Привет. Я дома»*.

Она изо всех сил цеплялась за эту иллюзию, до того момента, как увидела его бледное лицо...

Дарья с трудом узнавала в нём мужа. Другой: обросший, поседевший, с глубокими отметинами от кислородной маски на щеках. Но в нём легко угадывались такие родные черты: родинка над губой и маленький шрам над левой бровью.

Невольно слёзы заструились по прихваченным морозом щекам. Её пальцы сильнее стиснули рамку с его фотографией, почти до боли, — словно та стала для неё якорем в этом бушующем море скорби.

Всего неделю назад страна отмечала праздник, поднимала бокалы с шампанским и вместе с ударами курантов отсчитывала секунды до нового года. А в это время Савелий лежал в реанимации, и за него дышал аппарат. В какой-то момент Дарья вдруг с пронзительной ясностью поняла: этот праздник больше не для неё. Больше никакой магии, никакого предвкушения чуда — только чёткая, болезненная грань, разделившая её жизнь на две части: ту, где он был рядом, и ту, где его больше нет.

Прозвучали недолгие тёплые слова прощания, воспоминания окружающих о Савелии и слова из Библии:

— «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрёт, оживёт».

Холод больше не был внешней стихией — он стал частью её самой, жил внутри, сковывал душу и тело. А в горле всё так же тяжело давил плотный ком, усиливая ощущение полной, всепроникающей опустошённости. Гроб закрыли, подняли и понесли к последнему пристанищу, плавно опустили на дно могилы.

Вот и всё. Теперь Дарья в полной мере осознала: она стала вдовой. Она ощущала себя лишь половинкой того единого целого, что когда-то отражало счастье и любовь. Осталась в мире живых, в то время как Савелий ушёл навсегда.

Она первой подошла к могиле и бросила горсть мёрзлой земли. Звук удара о крышку гроба гулким эхом отозвался в голове. Она изо всех сил старалась не разрыдаться на глазах у множества чужих людей. С усилием сглотнув ком в горле, сделала шаг в сторону и отвела взгляд, пряча отблеск невыплаканных слёз. В тот момент её дыхание остановилось. Она силилась сделать вдох, но ничего не получалось.

Она не могла издать ни звука, лишь судорожно искала глазами помощь. Взгляд зацепился за высокого худощавого мужчину в длинном тёмном пальто, стоявшего поодаль. В то время как внимание собравшихся поглотило торжественное и траурное действие погребения, его взгляд был обращён к ней — пристальный, неотрывный, выделявшийся на фоне общей горечи. Его руки располагались на уровне груди, отчего создавалось ощущение «застывшего импульса». Словно он приготовился к движению, но остановился, ожидая подходящего момента. От недостатка кислорода у Дарьи закружилась голова. Лёгкие горели. Она никак не могла сделать вдох.

Тонкие музыкальные кисти незнакомца грациозно взметнулись вверх, описывая в воздухе дугу. Дарья ощутила, как свежесть морозного воздуха заполняет лёгкие. Его пальцы опустились — и она выдохнула. Он снова сделал едва уловимое движение вверх — и её грудная клетка послушно вобрала воздух. Вниз — выдох.

Она испуганно оглянулась на отца, на мать — но никто ничего не замечал. Дарья вернула взгляд туда, где только что видела странного незнакомца. Но тот пропал. А Дарья продолжила дышать — теперь равномерно, без помех и сбоев. Легко, практически невесомо. И, кажется, даже боль потери слегка притупилась.

Над могилой образовался холмик. Могильщик воткнул в землю деревянный крест и подошёл к Дарье. Он протянул руки, намереваясь взять рамку с фотографией, которую она до сих пор сжимала в руках — крепко, до побелевших костяшек. Она не сразу поняла, что ему от неё надо, смотрела потерянным взглядом. Только когда он сжал в руках рамку, она послушно разжала пальцы. Из глаз хлынули слёзы. Её якорь отобрали.

Савелия у неё отобрали.

Глава 3

Самое страшное время наступило после похорон. Дарья оставалась один на один с потерей. Она заходила в комнату, которая всё ещё дышала им. Видела его любимое кресло, халат, небрежно оставленный на спинке, личные вещи на столе. Она ничего не прибирала. Возникало ощущение, будто он вот-вот сядет в кресло, раздастся тихий скрип, когда он откинется в нём и привычно прикроет глаза после напряжённого дня.

Куда бы ни падал её взгляд, всё напоминало о нём: даже обои, из-за которых они поссорились несколько месяцев назад. Тогда Савелий наотрез отказывался браться за ремонт, а Дарье, наоборот, до безумия надоели эти тёмно-зеленые стены. Хотелось чего-то светлого, лёгкого, воздушного. Но договориться они так и не смогли: его позиция оставалась неизменной, а её желания — неслышанными.

И вот сейчас Дарья ощутила, как всё вокруг начинает рушиться. Казалось, сама квартира бунтует из-за отсутствия хозяина. Потекший кухонный кран — вроде мелочь, но он дал старт цепочке неудач. Пришлось покупать новый, и звонить свёкру, Степану Николаевичу, просить поменять.

Потом произошло короткое замыкание. Характерный сладковатый запах палёной пластмассы медленно растекался по квартире. Они с сыном несколько дней просидели без света в туалете и кухне, боясь, пользоваться выключателем. И это решение оказалось верным. Спасением стал приезд брата Артёма. Он осмотрел проводку и взялся за ремонт. Выяснилось, что изоляция расплавилась, а провода слиплись в единый ком — они ощутимо грелись, и риск возгорания был вполне реальным, стоило лишь щёлкнуть выключателем.

Дарья вдруг почувствовала, что дом больше не защищает её, а будто отталкивает — проблемы никак не заканчивались, всплывали одна за другой. Она совсем сникла. Прежде ей не приходилось вникать в подобные вопросы — все бытовые и технические сложности всегда брал на себя муж. Теперь же решать их предстояло самостоятельно, и это оказалось непросто: она не могла отыскать нужные документы, забывала пароли, терялась перед техникой, с которой супруг управлялся так легко и естественно.

Привычка полагаться на него оказалась слишком сильной. Сейчас ей больше всего на свете хотелось хотя бы на пару минут услышать родной голос, задать какой-нибудь простой вопрос. Так мало — и так недостижимо. *«Ну почему нельзя позвонить на небо?»* — этот вопрос снова и снова всплывал в сознании, как крик о помощи. И каждый раз, оказываясь в безвыходной ситуации, она рыдала беззвучно, до боли закусывая руку, — чтобы не пугать сына.

Новогодние каникулы закончились. Она вышла на работу. Первые дни давались тяжело. Она была благодарна коллегам за поддержку — они искренне старались помочь. Но каждый раз, когда звучало «Держись!», внутри что-то сжималось. Оно уже не утешало — оно раздражало, давило, напоминало о пустоте. В очередной раз, услышав его, она ощутила, как к горлу подступает комок. *«За что держаться, если стержень вырвали с корнем?»* — мысль вспыхнула яркой искрой, готовой превратиться в крик. Но она глубоко вздохнула и сдержалась.

Кто только его придумал? Почему все без исключения твердят одно и то же? Внутренний голос попытался найти оправдание: *«А что ещё можно сказать человеку в беде?»* Но она знала ответ: можно сказать «Я рядом» — и это даст ощущение опоры. Можно сказать «Ты справишься» — и это подарит надежду. «Мне очень жаль», — искреннее и тёплое. Но люди терялись перед чужой болью и повторяли этот универсальный, но пустой шаблон. Снова и снова это безликое «Держись», будто брошенное через плечо на бегу.

Она вдруг осознала: лучше бы люди вовсе молчали. Иногда тишина оказывается куда более глубокой и действенной. На самом деле человеку нужны не слова, а присутствие. Не

советы, а время. Иногда достаточно просто обнять — этот жест передаст больше сочувствия, чем сотня «Держись».

И, тем не менее, работа радовала. Она заставляла отвлечься, забыться хотя бы на время. Ровно до того момента, пока Дарья не переступала порог собственного дома, внезапно ставшего таким пустым и холодным. Именно в тишине её комнаты накатывала тоска.

Дарья долго не решалась разобрать гардероб мужа, но время шло, нужно было что-то делать. В выходной она собралась с духом и открыла шкаф. Следовало сложить и убрать одежду в пакеты — ведь выбросить она их не решалась. Что бы подумал Савелий, если бы увидел, как она выбрасывает его любимые вещи, как мусор? Дыхание снова судорожно сбилось, затрепетало, а потом и вовсе замерло. Стараясь сдержать слёзы, она подошла к окну и бросила взгляд вдаль.

И тогда она снова увидела его. Того самого незнакомца в длинном тёмном пальто. Он стоял на крыше дома напротив и пристально смотрел на её окна. Точнее даже не на окна — он установил зрительный контакт с ней. Она не могла отвести от него взгляд. Он манил, гипнотизировал, завораживал.

Незнакомец принял устойчивую позу и поднял руки на уровень груди, начиная ауфтакт¹. Его кисти заняли исходное положение, и он сделал лёгкое движение вверх, потом медленно вниз. И Дарья поддалась — вдохнула глубоко и спокойно, выдохнула. Он продолжил чарующие движения, и она задышала ровно в такт задаваемой им скорости и амплитуды.

Вдох — выдох.

«Он не может быть человеком», — блеснуло в её голове озарение. — «Люди не стоят посредине зимы на крыше и не дирижируют чьим-то дыханием».

Ужас пронзил её существо, извиваясь под кожей, заставляя шевелиться волосы на затылке. Она заворуженно наблюдала, как его руки взлетали, а потом опускались. Его движения были такими изящными, на грани с грацией, очаровывали так же сильно, как пугало само его присутствие.

Вдох — выдох.

Она осознала, что после ночного звонка впервые могла дышать без боли. Не ощущала гранитной тяжести в груди. Мир словно оживал вокруг неё: она слышала звуки, чувствовала запах озона из приоткрытого на проветривание окна, ощущала тепло от радиатора.

Вдох — выдох.

Ей показалось, или тонкие губы незнакомца тронула лёгкая улыбка? Нейтральная, не выражающая никаких эмоций. Будто он почувствовал её понимание, осмысление происходящего. Уловил момент, когда она осознала силу его влияния на неё.

Он мигнул — и исчез. Но она продолжала чувствовать его присутствие рядом, даже ближе, чем было раньше. Озноб накатывал волнами, но его источником было не окно. Холод исходил откуда-то из-за её спины. Её сковал страх. Она медленно обернулась. В комнате, буквально в метре от неё стоял он — высокий, неестественно прямой. Идеальный и такой холодный.

Новая волна дрожи пробежала по коже, покрывая её мурашками, когда она встретила с пугающим взглядом. В его глазах не было ничего привычного — ни зрачка, ни белка, ни радужки. Они казались огромными и блестящими, словно отлитыми из ртути. Лишь гладкая зеркальная поверхность, обрамлённая пышными ресницами, безмолвно смотрела на неё и не позволяла прочесть ни его эмоции, ни мысли. Она видела в них своё отражение: боль, застывшую в серо-голубых глазах, сжатые губы, бледность кожи. Какая же она маленькая рядом с ним, испуганная, хрупкая.

¹ Ауфтакт — подготовительный жест дирижёра перед началом звучания или долей такта.

Он наклонился, нависая над ней, его тёмные, отливающие синевой волосы, легко коснулись кожи. Он почти вплотную приблизил тонкие губы к её уху. Она не чувствовала его дыхания, ни один волосок не дрогнул, хотя его губы шевелились:

— Ты помнишь, какая у него улыбка? Как хорошо вам было вместе?

Его голос был мягким, бархатным, обволакивающим. Таинственный шёпот проникал прямо в мысли, и перед глазами замелькали картинки из памяти, словно фотографии ярких совместных моментов.

Вот Савелий улыбается, открывая свой подарок на день рождения, а она целует его колючую, щетинистую щеку. Вот на её день рождения он приносит огромный букет цветов, и Дарья сияет счастливой улыбкой. Они вместе в кино, и его сильная рука нежно сжимает её ладонь. Она вспомнила время, когда они ходили в поход. Перед ними расстилалось большое поле залитое солнцем, ароматные снопы соломы, друзья, костёр и шашлыки. И море, куда он возил семью этим летом: Чёрное только по названию, на самом же деле прозрачное, тёплое и солёное. Совсем как слёзы, ручейками сбегавшие по её щекам.

Когда руки незнакомца замерли — Дарья не смогла сделать вдох. Внутри всё сдавило, мучительно больно, словно там разверзлась пустота. Тягостное ощущение безысходности сворачивалось в тугую спираль, готовую вот-вот выстрелить. Её охватила паника. Сердце отчаянно забилось, по спине заструился холодный пот. От недостатка кислорода голова закружилась, перед глазами поплыли круги. Она хотела закричать, позвать на помощь — но не смогла.

Тогда он сделал лёгкий взмах рукой. Его тонкий палец поднялся — и глубокий вдох принёс ей облегчение. Тогда она услышала тихий звук, исходящий от его груди. Тик-так, тик-так. Словно метроном, отмеряющий ритм её дыхания. Между ними возникла незримая связь. Она чувствовала её, как тонкую нить, соединявшую их друг с другом.

— Кто ты? — выдохнула Дарья, дрожа от страха.

«Я твой Тактовщик», — мысленно ответил незнакомец. — «Я помогу тебе дышать».

Глава 4

Раньше Дарья всегда спешила домой, чтобы побаловать своих мальчиков ужином, заняться обычными женскими хлопотами, хотя иногда домашние дела и вызывали раздражение и усталость. А теперь торопливость куда-то ушла, делать ничего не хотелось. Всё казалось бессмысленным, незначительным, пустым. Словно мир полностью утратил краски, выдавая лишь спектр оттенков серого.

У неё был сын — Макар. Сходство с отцом поражало — не столько в чертах лица, сколько в манере держаться, но ярче всего оно проявлялось во взгляде. Они были светлыми, будто высеченными из мрамора, и смотрели так же цепко, внимательно, словно могли проникнуть в самую суть вещей. В мальчике чувствовался характер — крепкий внутренний стержень и острая, порой едкая ирония. Он ещё не научился чувствовать меру: его слова могли ранить, даже когда он сам этого не замечал.

В этом возрасте особенно остро ощущалась потребность в свободе, самовыражении, независимости — он искал свой путь. Дарья это хорошо понимала и потому не стремилась его ограничивать: не навязывала ни своего присутствия, ни мнений, уважая его право на выбор. Дарья понимала, чтобы вырасти настоящим мужчиной, он должен осознать ответственность за свои решения. Эта мысль стала для неё внутренним ориентиром в общении с ним. Она сознательно поощряла его инициативу — будь то желание поговорить, обсудить что-то или попросить помощи. С готовностью включалась в беседу, делилась опытом, подсказывала — но так, чтобы он не чувствовал давления, а ощущал поддержку на пути к самостоятельности.

— Привет мам, — послышался с коридора ломающийся голос сына.

— Привет Макар, — отозвалась Дарья. — Как дела в школе?

— Да всё нормально, — проговорил он, стягивая через голову толстовку.

Его длинные тёмные волосы встопорщились, потрескивая от статического электричества. Руки запутались в рукавах. Вдруг, увидев занятие матери, он обомлел и пробормотал с удивлением и растерянностью:

— Ты что это делаешь?

Осмотрев себя и результаты недавнего всплеска эмоций, Дарья смущённо улыбнулась. Под её босыми ногами лежала кучка отодранных от стены обоев, несколько мелких кусочков прилипло к коже. В руке она всё ещё держала нож. Участок стены, недавно украшенный тёмно-зелёными обоями, теперь зиял голой поверхностью. Но в комнате стало светлее, словно вместе с обоями ушло что-то гнетущее.

— Ремонт, — она пожала плечами и кинула быстрый настороженный взгляд на серую худощавую фигуру Тактовщика.

Теперь маэстро навещал её почти ежедневно. Он появлялся в самые тяжёлые минуты, когда горечь и скорбь сдавливали грудь, мешая дышать. Иногда она замечала его сразу, порой — лишь спустя какое-то время. Но стоило ему возникнуть рядом, как на душе становилось легче... и в то же время тяжелее — словно облегчение вскрывало новые глубины боли. В сознании Дарьи всё отчётливее просыпалось выматывающее чувство: происходящее казалось ей глубоко неправильным. Гложущее переживание не отпускало: она могла дышать, жить, двигаться — а Савелий уже нет. Она жаждала хоть какого-то облегчения, но тут же корила и ненавидела себя за это желание, словно сама мысль о покое была предательством.

Сейчас Тактовщик застыл в дальнем углу комнаты. Его узкое лицо, не выражало никаких эмоций — словно это был манекен. Его взгляд был устремлён прямо на Дарью — сосредоточенный, почти гипнотический, с этим странным мерцанием серебристого глянца. И только указательные пальцы покачивались с механической точностью: вверх-вниз, плавно, тягуче, совпа-

дая с её вдохами и выдохами. Дарья отчётливо осознавала этот ритм, словно он звучал внутри неё, задавая странный, почти ритуальный темп всему происходящему.

Видимо, она слишком долго смотрела в одну точку: подросток, проследив за направлением её взгляда, повернул голову туда же. В последнее время её поведение настораживало: у неё внезапно возникала одышка, взгляд начинал метаться, будто в погоне за призраком. Затем, в какой-то момент, она словно находила то, что искала, — замирала, и на лице проступали одновременно страх и радость. Дыхание тут же выравнивалось. Это вызывало у него беспокойство. Однако, он не обнаружил у окна ничего необычного.

— Ясно. Ты чай будешь? — спросил сын.

Макар, не дожидаясь ответа, развернулся и направился на кухню, бросив толстовку на диван в своей комнате.

— Буду, — крикнула ему вслед Дарья.

До её слуха донеслись звук льющейся воды и негромкий щелчок включившегося электрического чайника.

Её сын за последнюю неделю сильно изменился. Словно повзрослел на несколько лет. Он часто смотрел на неё внимательным взглядом. Без просьбы мыл посуду, помогал. Словно понял, что теперь он — глава их маленькой семьи.

Она вновь повернулась к стене и подцепила кончиком лезвия новый кусок обоев и потянула. Послышался звук рвущейся бумаги, который неожиданно благотворно повлиял на её состояние. Это действие стало своего рода ритуалом: отрывая лоскуты прошлого, она давала себе шанс начать с чистого листа.

Рыжий кот потёрся о её ноги, требуя внимания. Она нагнулась, машинально почесала за ухом. Лисик довольно плюхнулся на её босые ступни меховой грелкой и довольно заурчал, как заведённый моторчик. По замёрзшим пальцам разлилось тепло.

В этот момент зазвонил телефон. Дарья, отложив острый инструмент, взглянула на экран. Это был брат. Она прижала динамик к уху.

— Привет, сестра, — раздался голос Артёма. — Чем занимаешься?

— Привет, обои обдираю, — ответила она.

— Какие обои? — непонимающе спросил он.

— В большой комнате.

— А что так? — его тон был заинтересованным и ровным.

Артёма вообще было сложно вывести из равновесия. Он хорошо управлял своими эмоциями, сохранял спокойствие в любых ситуациях. Рациональный, терпеливый, прямолинейный.

Дарья же была его противоположностью. Она была легкоранимой, остро реагировала на критику, часто обижалась. Видела негатив там, где его не было, и принимала всё на свой счет. В детстве их тянуло друг к другу, словно разные полюса магнита, но и вместе находиться они не могли, постоянно дрались, что-то делили. И только во взрослом возрасте, уже обзаведясь семьями, они стали лучше понимать друг друга, поддерживать.

Теперь, когда Савелия не стало, она остро ощутила необходимость на кого-то положиться. И брат стал этой опорой. Он без лишних слов взял на себя часть её бремени: помогал, особенно в тех ситуациях, где традиционно требовалась мужская сила и компетентность. Его помощь стала тем якорем, который не давал ей сорваться в пропасть отчаяния.

— Не знаю. Захотелось что-то поменять, хоть чем-то занять себя.

— Ремонт значит надумала. Ну, почему бы и нет. Нужна будет моя помощь, зови, — отозвался он. — Кстати ты давно не заводила машину?

— Давно. Как ты её отогнал на стоянку, так больше и не ходила. Ты же знаешь, я не умею.

— Да что там уметь... — усмехнулся он. — Ключ поверни — и полетели...

В его голосе слышались ободряющие интонации.

— Этого я и боюсь. Ещё сделаю что-то не так.

— Да не дрейфь. Там всё совсем нетрудно. Я объясню.

— Давай, только не сегодня, — умоляюще проговорила Даша.

От волнения внутри что-то встрепенулось. Она сигналкой за два года пользоваться не научилась. До сих пор не запомнила, как машину открыть. А тут — иди, заведи... Как издевается...

— Ладно, завтра как к машине придёшь, позвони мне, вместе попробуем, — предложил брат. — Сама как?

— Нормально, — привычно, даже не задумываясь над ответом, отозвалась Дарья.

Она заметила, что в последнее время отвечает на все вопросы одинаково — коротко и нейтрально. «Нормально» — и точка. Даже в разговоре с братом, где не было нужды притворяться, это слово вырывалось само, будто по инерции. Она осознавала, что так проще — не раскрывать глубину своей боли, не провоцировать поток стандартных утешений. Мысль о том, что кто-то скажет: «Держись, всё наладится», вызывала почти физическое отторжение. Потому что она точно знала: ничего уже не наладится. Эта уверенность стала частью её нового состояния — горькой, но окончательной.

— А Макар как? — продолжал брат.

— Учится, всё как всегда.

— Ладно. Привет ему передавай. И если что — звони. Завтра обязательно до машины дойди, а то и так стоит давно. Надо чтобы поработала хоть минут двадцать.

Она машинально кивала, словно брат мог её видеть.

— Хорошо, — отозвалась она.

— Всё. Пока. Держитесь там.

В трубке слышались короткие гудки. Снова это назойливое слово... «Держитесь». Ещё немного — и она закричит, едва его услышит.

— Мам, — донеслось с кухни. — Иди чай пить, я бутеры сделал. Ты будешь?

— Супер! Иду, — откликнулась Дарья.

Лисик опередил её. Он забавно дёрнул задней лапой, стряхивая налипший кусок обоев, и бодро потрусил по коридору. Его длинный пушистый хвост, поднятый словно антенна, плавно подрагивал в такт бесшумным шагам мягких лапок.

Она оглянулась на угол, где ещё недавно стоял Тактовщик, но теперь там было пусто. Что-то внутри неё едва уловимо дрогнуло, пробуждая странное, противоречивое чувство. С одной стороны, она испытывала облегчение, что больше не ощущалось его мрачное, пугающее до дрожи присутствие. С другой — пришло внезапное осознание: всё это время она в глубине души надеялась и ждала, когда он снова заберёт её боль и выровняет сбившееся дыхание.

Глава 5

Следующим вечером Дарья направлялась к стоянке, где находилась их машина. Ну как их — скорее Савелия, это была его мечта. Он ухаживал за ней, постоянно что-то улучшал. Приклеил на капот защитную плёнку, в двери вставил уплотнительные резинки, установил защиту картера, новые брызговики, на окнах — дефлекторы. Что уж говорить про частоту посещения салона автомобильной красоты — помыть, отполировать, пропылесосить. Без этого никак. Она столько внимания ей уделять не сможет.

Он, конечно, несколько раз предлагал Дарье окончить курсы, получить права, но она настолько боялась сделать что-то не так, что наотрез отказывалась: «Да ни за что! Только через мой труп!» А теперь она шла своими руками заводить этого монстра.

Морозный ветер бил в лицо, колючими снежинками царапал кожу. Она накинула капюшон, выше подтянула шарф, спрятав в него нос, сунула руки в карманы и невольно ускорила шаг. Сейчас быстренько сбегает до машины, поставит яркую галочку в списке сегодняшних дел и вернётся домой.

Перед выходом она отыскивала среди документов Савелия памятку к пульту сигнализации. Внимательно изучила, какую кнопку нужно нажать, чтобы открыть дверь, — но волнение всё равно не отпускало. От холода и нервозности руки мелко подрагивали, выдавая её состояние.

Машина, укрытая толстым слоем снега, стояла на пустынной стоянке — заброшенная, забытая, одинокая, словно ребёнок, которого оставили без присмотра. Слезы невольно навернулись на глаза. Савелий бы никогда так не поступил — не оставил бы её одну на столько дней, в этом холоде. Она замедлила шаг и подошла.

Дарья смахнула снежную шапку над дверью, достала из кармана пульт и нажала кнопку. Раздался тихий сигнал: «пик-пик». Она взялась за ручку и, нервно втянув носом воздух, открыла дверь. Со странным чувством неловкости забралась на водительское сиденье.

Салон пах кофе, мешочек с которым болтался на зеркале заднего вида, и Савелием, но даже здесь его запах начинал выветриваться. Здесь ей не место. Это его кресло. Если дом так возмутился его отсутствием, то чего ждать от машины. Бунта, не меньше.

Она набрала номер брата и плечом прижала к уху телефон.

— Привет, — отозвалось в динамике.

— Привет, Тём. Я в машине. Что делать? — проговорила Дарья.

Она была полностью сосредоточена, собрана, и на девяносто процентов уверена, что у неё ничего не получится. Почему? Предчувствие...

— Так. Вставляй ключ в замок зажигания.

Холод руля проникал даже сквозь перчатки. Сосредоточенно закусив нижнюю губу, Дарья вставила ключ в щель замка. Брат продолжал давать указания, которые она строго выполняла.

— Проверь ручку переключения скоростей, должна быть на нейтралке. Я вроде на ручнике оставлял.

— А как это узнать? — пробормотала Дарья.

— Ну, покачай из стороны в сторону, если получается — то на нейтралке, если вперед выдвинута, — то на скорости.

— Ага, качается.

— Хорошо, теперь поверни ключ на два деления, загорятся лампочки. Когда услышишь тихий щелчок, можно заводить. Выжмешь педаль сцепления в пол... Ты ведь знаешь, где сцепление?

— Знаю, конечно, я же не совсем дура, — обиделась Дарья.

— Теперь поверни ключ, секунды на три удержи...

Тр-р-р. Отозвалась машина — и всё. Тишина.

— Не получается, — чуть не плача проговорила она.

— Давай ещё раз, — ободрительно звучало из динамика.

Тр-р-р-т-т.

— Я, наверное, что-то не так делаю... — горло Дарьи сдавило.

— погоди, не нервничай, — успокоил брат. — Там лампочки горят?

— Горят.

— Ошибок не выдаёт?

— А я откуда знаю... Я вообще тут ничего не понимаю.

— Попробуй ещё раз.

Тр-р-р-т-т. Глаза Дарьи закрылись, сдерживая выступающие слёзы.

— Ничего, — обречённо проговорила она.

Тут невдалеке проходил мужчина. Она открыла дверь и выглянула.

— Простите. Не могли бы вы мне помочь? У меня машина не заводится, — обратилась она к нему.

Мужчина неторопливо развернулся и двинулся к машине — шаг за шагом, без спешки. Остановившись рядом, он наклонился и бросил взгляд внутрь. Из открытой двери тянуло холодом. А от самого мужчины отчётливо ощущался густой запах табака.

— Не понимаю почему... — потерянно пробормотала Дарья.

— Попробуйте завести, — прокурённым голосом проговорил он.

Она повернула ключ зажигания, одновременно до упора вдавив педаль сцепления. Машина отозвалась вялым рыком, на приборной панели тревожно моргнули индикаторы — будто подавая сигнал бедствия.

Тр-р-т-т, — звук был жалким, беспомощным, у машины не хватало сил завестись.

— Дело плохо, — хмуро произнёс мужчина. — Аккумулятор сдох окончательно. Без зарядки завести машину не получится.

— Спасибо, — отозвалась она.

Он, сунув руки в карманы, направился дальше по своим делам, а Дарья вновь прижала телефон к уху. С тихим хлопком закрывая водительскую дверь. В душе шевельнулась горькая уверенность: она и так знала, что ничего не получится.

— Тём?

— Я слышал, давай завтра приеду, сниму его и увезу на зарядку. Ты только не переживай. Ничего не случилось.

— Спасибо, — вяло отозвалась она.

Он попрощался и отключился. А она вытащила из замка зажигания ключ и продолжила сидеть в холодной машине. Слёзы тихо катились по щекам, оставляя солоноватый привкус на губах. Она склонила голову, закрыла глаза и закусилла нижнюю губу. Тупая боль пульсировала в такт сердцебиению.

— Я скучаю, Сава. Мне так тебя не хватает. У меня ничего без тебя не получается...

Она обращалась к мужу. Тихий шёпот и всхлипы заполнили салон. В этом месте, в этот момент времени она ощутила себя гораздо ближе к нему. Дарья никогда не считала себя сильной. Старалась, но так устала притворяться, что всё в порядке. Сейчас ей просто хотелось плакать. Но так, чтобы никто не видел.

Она не знала, как ей теперь жить дальше. В душе царила растерянность: она колебалась, никак не могла решить, что делать с машиной. Мечта Савелия, его обожаемая «Ладушка» казалась ей тяжёлым грузом. Макар пока слишком мал, а оставлять машину ржаветь на годы — бессмысленно. Продать? Логичное решение. Но внутри тут же поднимался протест: что если сын, повзрослев, захочет сесть за руль папиной машины? Он ведь так похож на Савелия... А новая машина в будущем — роскошь, недоступная ей.

Внезапно пришедшая в голову мысль, заставила впасть в ступор. Поначалу она показалась ей абсурдной, даже невозможной — такой, которую она никогда не смогла бы сформулировать сама. Дарья всегда считала это нереальным для себя, далёким и недостижимым.

«Нужно пойти на курсы вождения!» — это прозвучало как вызов самой себе.

Она действительно зарекалась водить. Машины пугали её, а мысль о водительской ответственности вызывала почти физическую тревогу. Сама возможность сесть за руль казалась немислимой. В памяти всплыли слова, которые она столько раз повторяла — себе и Савелию: «Только через мой труп!» Судьба распорядилась так, что это отчасти сбылось... но не так, как она предполагала. И вот теперь, когда решение всё-таки было принято, эмоции сменились странным оцепенением. Слезы высохли в один миг, грудь сдавило, будто железным обручем. Дыхание сбилось — воздух будто затерялся на пути к лёгким.

Её состояние вновь привлекло Тактовщика. Дважды дрогнув, он материализовался перед капотом. Высокий, пугающий, абсолютный. От него тянуло холодом, даже сквозь лобовое стекло это чувствовалось отчётливо. Его руки были опущены вдоль тела. Дарья смотрела на него с затаённой надеждой, почти с мольбой. Он медленно склонил голову набок; лёгкая улыбка тронула его губы — едва заметная, почти призрачная.

«Звала меня?» — услышала она в своей голове его голос: ровный, тихий, но такой отчётливый, будто он стоял рядом и шептал ей на ухо.

Дарья вздрогнула и моргнула. Слова будто растворились в воздухе, не успев родиться. *«Я не звала»*, — пронеслось в сознании, но следом пришло другое понимание: пусть она не формулировала просьбу вслух или даже мысленно, он был ей необходим в эту минуту. Растерянность сковывала, мешала собраться с мыслями. Она ощущала, как внутри нарастает напряжение — борьба между нежеланием признаваться и острой потребностью в поддержке. Наконец, преодолев себя, она призналась: *«Да, мне нужна твоя помощь. Одна я не справляюсь»*.

«Хорошо», — отозвался он, начиная ауфтакт. — *«Но помни, теперь ты не свободна. Отныне я управляю твоим дыханием. Всегда»*.

Его голос сразу обрёл силу. Он почувствовал её смирение и покорность. Зеркальные глаза таинственно замерцали внутренним холодным светом. Даже внешне он стал казаться могущественнее, величественнее. Его длинные чёрные волосы развевались от ветра. Тонкие пальцы уверенно зашевелились, задавая темп и динамику её дыхания. К пальцам присоединились кисти, и её дыхание стало глубже, полнее. Ощущение тяжёлого давления в груди уходило. Веки с облегчением опустились. Она почувствовала освобождение, умиротворение. Её затащила пустота.

И Дарья укрепила в своём решении пойти на водительские курсы. Чем меньше у неё останется свободного времени, тем лучше — не будет места для тоски и сомнений.

«Я справлюсь. Я сильная. Господи, помоги мне!» В этих словах было и обещание себе, и мольба о поддержке.

Глава 6

Уже сутки Дарья находилась в непривычном, взбудораженном состоянии — словно внутри что-то перестроилось. Она приняла решение сама, и это осознание давало странное сочетание тревоги и восторга. Годами её зона ответственности ограничивалась бытом: покупки для семьи, поддержание порядка, забота о мелочах. Вопросы более масштабные — приобретение недвижимости, выбор техники, планирование отдыха — всегда решал муж. Он анализировал, просчитывал риски, оформлял документы, а она принимала его решения как должное, даже не задумываясь о возможности участвовать в них. Она была не просто замужем — она была «за мужем».

Размышляя, Дарья осознала: за двадцать лет брака она ни разу не пыталась всерьёз отстоять свою позицию в финансовых вопросах. Это не было жертвой или подавлением — просто так сложилось. Савелий уверенно брал на себя эту роль, а она искренне ему доверяла. Её точка зрения существовала, конечно: они много обсуждали семейные нужды, проблемы, перспективы. Но механизм принятия решений был отлажен — последнее слово всегда оставалось за ним. И что удивительно — её это действительно устраивало. Не было внутреннего конфликта, напряжения, ощущения несправедливости. Просто чёткое разделение ролей, ставшее частью их семейной системы.

Когда что-то выходило из строя, Дарья просто сообщала об этом мужу. Он с готовностью брался за решение: искал варианты, читал отзывы, сравнивал характеристики и выбирал лучшее. Его подарки всегда были продуманными, функциональными — словно продолжение его рассудительного характера. Но иногда сквозь эту практичность пробивалась искра юмора. Как в тот раз, когда он вручил ей футболку: на фоне фирменного сине-белого узора этикетки сгущенного молока ярко выделялась надпись «Сладкая Даша». В этом был весь Савелий: он просто обожал сгущёнку, мог открыть банку посреди ночи — и через этот подарок словно признавался ей в любви: «Ты — моё самое сладкое сокровище». А на последний день рождения Савелий удивил её по-крупному: вручил коробку с новым телефоном. Экран большой, камера отличная. Она не скрывала восторга — такого щедрого и продуманного подарка она точно не ждала.

Сегодня вечером Дарья аккуратно складывала вещи Савелия, время от времени задерживаясь, чтобы вдохнуть едва уловимый запах его туалетной воды. И вдруг, во внутреннем кармане куртки, её пальцы нащупали что-то твёрдое — маленькую белую коробочку. Внутри лежал телефон: новый, без сим-карты, незнакомый. Чёрный, в стильном чехле «под кожу». Два чека лежали рядом, сложенные с педантичной аккуратностью. Она развернула их. Даты совпадали — за несколько недель до её дня рождения. Один телефон она получила в подарок. Второй лежал сейчас у неё в руках. Холод стекла колол подушечки пальцев. Но сумма на чеке заставила её замереть: этот аппарат был гораздо, гораздо дороже того, что он подарил ей. В груди защемило — что это значило?

Прошло уже полгода, а Дарья даже не подозревала о существовании этой покупки. Почему Савелий так долго молчал? Кому был приобретён телефон? Если он купил его для себя, то зачем было что-то скрывать? Она ведь никогда не упрекала его в тратах, не ограничивала, не проверяла чеки — доверие было естественным состоянием их брака. Но теперь это доверие дало трещину. Мысль, что телефон мог быть куплен для кого-то другого, обожгла сердце. Чувство подозрений и возмущения, пробудило давно забытые страхи. Дарья зажмурилась, пытаясь прогнать видение, но оно стало только чётче: Савелий, такой родной и живой, протягивает коробочку... не ей. Другой женщине. Чувство предательства ударило в грудь, а к горлу подкатила тошнота — физическая реакция на душевную боль.

Давно Дарья не ощущала таких сильных эмоций: ревности и обиды. В груди от мысли о возможном предательстве разгоралось пламя, обжигая её изнутри. Разум пытался успокоить: наверняка телефон был для него самого, а молчание — всего лишь отсрочка, ожидание верного момента. Но где теперь искать ответы? Этот момент уже никогда не настанет. А боль в сердце оставалась — тупая, ноющая, будто там образовалась пустота, которую нечем заполнить.

Похоже, её муж снова подготовил сюрприз. Ну что ж... всё не так плохо.

— Макар! — крикнула она, и её голос прозвучал громче чем обычно.

Из комнаты сына послышался тихий скрип кресла, шлепки тапок по паркету.

— Ты звала, мам? — его тёмная голова высунулась в коридор.

— Да. Ты хочешь новый телефон?

Его челюсть отвисла, лицо вытянулось. Брови удивлённо поползли вверх. Он вышел из комнаты полностью.

— Какой телефон? — любопытствовал он.

— Тот, что мне папа подарил.

— А ты как же?

— А вот так.

Даша показала ему коробочку.

— Ничего себе. Откуда это? — в его тоне сквозило неподдельное изумление.

— Нашла в кармане папы, — отозвалась она.

Она говорила ровным, почти бесстрастным голосом, хотя в груди бушевал настоящий пожар. Оскорбление жгло душу: сколько ещё таких секретов было между ними? Как много он скрывал — намеренно или просто не считая важным? Боль нарастала, заполняла каждую клеточку тела, пожирала изнутри. И самое горькое, — осознание, что высказать всё это было уже некому.

— Ясно, — привычно ответил сын.

«Ну, хоть кому-то что-то ясно» — зло подумала Дарья.

— Поможешь поменять симки? — вслух спросила она.

— Давай. Сейчас разберёмся.

Он забрал все гаджеты и направился в свою комнату.

А Дарья вернулась к себе и обессиленно рухнула в кресло. Ну почему так?

Лисик немедленно запрыгнул к ней на колени, устроился и заурчал. Рука Дарьи привычно опустилась на рыжую спину. Она машинально стала поглаживать кота, чувствовала, как медленно, размеренно поднимается и опускается его бок. Живое тепло, преданное, ничего не требующее за свою любовь.

Неожиданно всплыла в памяти недавняя встреча у нотариуса. Он тогда спросил: *«Вы уверены, что у Савелия только один ребёнок?»* Тогда Дарья возмутилась — вопрос показался ей абсурдным, почти оскорбительным. Но теперь, после находки, эти слова вновь всплыли в сознании, всколыхнув бурю сомнений. Так ли хорошо она знала своего мужа, как привыкла думать все эти годы?

Ногти до боли впились в кожу ладоней, оставляя красные отметины — но это было ничто по сравнению с тем, что творилось у неё внутри. Подбородок непроизвольно вздрогнул, выдавая её состояние. По щекам медленно текли слёзы — она отчётливо чувствовала их щекочущее прикосновение к коже. Раздражённо смахнув непрошенные капли, она глубоко вздохнула, пытаясь взять себя в руки.

Лисик недовольно поёрзал, спрыгнул и убежал в сторону кухни. И тогда перед ней возник Тактовщик — будто почувствовал, что сейчас ей особенно нужна его поддержка. Он улавливал её состояние без слов. Но в этот миг Дарья не желала ничьей помощи. Гнев заполнял её — в первую очередь на Савелия, но и на себя тоже: какой же наивной, слепой она была все эти годы!

Она подняла руку, мягко, но твёрдо останавливая маэстро. В сердце болезненно кольнуло — оно жаждало тишины и покоя, а не чужих утешений.

Тактовщик нахмурился и грозно покачал головой. Его глаза сверкнули недовольством. Волосы, словно наэлектризованные встопорчились и заколыхались.

«Ты забыла, что больше не управляешь собой? Я задаю ритм — ты подчиняешься». В его тоне не было мягкости. Слышались властные, настойчивые распоряжения.

Она только начала привыкать к его присутствию рядом. В глубине души она верила: он хочет ей помочь. Но теперь сомнения терзали душу: так ли это на самом деле? Не поспешила ли она довериться ему так быстро? А что, если он — лишь иллюзия, созданная её израненным сознанием в попытке справиться с потерей? Но взгляд его — холодный, пронзительный, с серебристым отблеском — был настолько реальным, что по коже невольно побежали мурашки. Или это и правда демон, искусно маскирующийся под помощника, чтобы завладеть её душой?

Резкий хлопок в ладоши разорвал тишину. Дарья вздрогнула всем телом и застыла, будто поражённая током. Зрачки расширились, а слёзы, ещё секунду назад блестящие на ресницах, мгновенно высохли. Вспышка злости угадала в один миг — её место занял ледяной ужас, который медленно растекался по венам, парализуя волю.

Он действовал методично: его руки сначала уловили прерывистый ритм её дыхания, затем начали мягко синхронизироваться с ним, постепенно беря под контроль бушевавшие внутри эмоции. Постепенно тело начинало подчиняться — дыхание выравнивалось, становилось размеренным, чётким.

Вдох-выдох.

Тем временем в комнату вернулся Макар, шумно шлёпая по полу, но Дарья этого даже не заметила. Он протянул ей новый телефон, но мать не реагировала. Всё так же сидела, застыв в ступоре и устремив взгляд в одну точку.

— Держи, — громко произнёс он, привлекая её внимание.

Сын осторожно потыкал мобильником в плечо матери.

— Там повозиться придётся. Смотри сама, какие приложения нужны. Всё что мог со старого я перебросил.

Ватными пальцами она взяла злосчастный телефон. Теперь он был тёплый, почти живой, согретый руками сына. Зачем она вообще всё это начала? К чему ей новый телефон? Она только привыкла к старому.

— Спасибо, — тихо отозвалась Дарья.

Макар вернулся в свою комнату, а она так и сидела, держа обеими руками чёрный прямоугольник. Безвольно дышала. Ни боли, ни раздражения, ни радости. Полный штиль.

Тактовщик распрямился, словно став ещё больше. От него чувствовались волны холода, перемежающиеся неожиданными тёплыми колебаниями. Он был доволен, её спокойствием. Его стальной взгляд одобрительно смягчился. Продолжая одной рукой задавать тактовую схему, второй он провёл по её волосам, невесомо, словно утешая.

«Хорошо. Ты просто дыши. И ни о чём не волнуйся», — шептал в её голове тихий голос Тактовщика.

Он напомнил ей Снежную королеву из сказки — властный, могущественный и совершенно бездушный. Его фигура нависла над ней, давя своей незримой аурой. А над самым ухом отчётливо слышался его пульс — ритмичный, бесстрастный: тик-так, тик-так, словно напоминание о его власти и её уязвимости.

Глава 7

На улице было темно. В свете фонарей кружилась неугомонная февральская метель, заметая следы и размывая очертания домов. Работа закончилась, но сегодня Дарья направлялась не домой.

Днём она посмотрела несколько автошкол, обзвонила их и узнала условия курсов: стоимость и место обучения. Выбрала скорее по расположению — где-то между работой и домом, чтобы не тратить время на дорогу.

Дверной колокольчик громко дзынькнул, возвещая о её появлении. Однако никто не вышел навстречу. Дарья стряхнула с капюшона белую порошу, аккуратно вытерла ноги о коврик у входа. Тепло помещения приятно обволокло тело, прогоняя пронизывающий холод зимнего ветра. В воздухе витал знакомый запах офисной пыли, свежей бумаги и едва уловимый, манящий аромат кофе. Из небольшого окрашенного светлой краской холла вели четыре двери. На одной висела табличка пункта выдачи «ОЗОН». Дверь напротив вообще не содержала опознавательных знаков. Дальше туалетная комната и, наконец, она различила нужную надпись — «Перекрёсток». Именно та, что нужна Дарье.

За дверью оказалась приёмная — небольшая комнатка, обставленная по минимуму: кулер в углу, офисный стол с включённым ноутбуком, тумба с МФУ и массивный сейф у стены. Приветливая девушка, сидевшая за столом, с лёгким любопытством взглянула в её сторону, слегка улыбнувшись.

— Вы на вводное занятие? — у неё оказался приятный мелодичный голос.

Дарья покачала головой, подходя ближе.

— Нет. Пока только узнать, можно ли записаться, я звонила днём.

— Да, конечно. Хорошо, что вы пришли сейчас. Успеем оформиться, и уже сегодня начнёте обучение. Как раз скоро начнётся вводное занятие новой группы.

Из приёмной вела дверь в классную комнату — достаточно просторную, с тремя рядами аккуратно расставленных школьных парт. Стены украшали разнообразные автомобильные знаки: предупреждающие, запрещающие, информационные — словно мини-выставка ПДД. В дальнем конце комнаты возвышался большой белый экран, готовый к демонстрации учебных материалов. За партами расположились трое мужчин и женщина. Они негромко беседовали, обменивались заметками и поглядывали на часы — похоже, ждали начала занятия.

— Ой, я и не думала, что всё будет так быстро, — растерялась Дарья.

— А что ждать, если вы готовы? Как раз осталась пара свободных мест, — Елена, о чём свидетельствовала надпись на бейджике, ослепительно улыбнулась.

— Никогда не думала, что соглашусь на эту авантюру, — невольно призналась Дарья.

— И вы, поверьте, не первая. Но у нас все сдают. Инструкторы у нас просто замечательные.

— Ну... хорошо, — не давая себе возможности передумать, согласилась Дарья.

— Присаживайтесь, — девушка засуетилась, взяла ручку, вытащила из ящика стола папку-уголок на кнопке. — Давайте ваш паспорт.

Дарья вытащила из сумки документы и протянула девушке.

— Нужно будет сегодня внести предоплату в размере пяти тысяч рублей. А полностью вы рассчитаетесь за три этапа. Перед внутренним экзаменом оплатите половину суммы и оставшуюся часть уже после распределения на практику.

Она говорила быстро, почти заученно, словно повторяла давно выученный текст. Одновременно ловко копировала документы и уверенно нажимала на клавиши клавиатуры, вводя необходимые данные. МФУ вновь зашумел и выдал готовый договор. Дарья поставила подписи и вытащила из кошелька требуемую сумму.

Елена пересчитала купюры, убрала их в сейф и поставила на договоре печать. Один его экземпляр, с памяткой, тетрадь на двенадцать листов и ручкой она уложила в папку-уголок и протянула Дарье.

— Вот и всё. Проходите в класс, через три минуты начнётся вводный урок.

— А подскажите, как часто идут занятия и сколько они длятся по времени?

— А я разве не сказала? — спохватилась та. — Простите! Занятия будут проходить три раза в неделю: понедельник, среда, пятница, примерно по полтора часа — это уж как получится. Начало в 18.00.

— Хорошо, — кивнула Дарья.

— А теперь идите, вот и ваш учитель.

В приёмную вошел невысокий лысоватый мужчина средних лет в простом вязаном свитере и джинсах. Он произвёл на нее приятное впечатление. Пока они оформлялись, в класс подтянулось уже с десяток человек.

— Я успею сделать звонок? Нужно предупредить сына, что я задержусь.

— Конечно. Но поторопитесь, чтобы ничего не пропустить.

Первое занятие оказалось на удивление коротким. Преподаватель кратко ознакомил группу с основными моментами, посоветовал установить определённое приложение на телефон для удобства обучения, представил план занятий и периодичность экзаменов. В завершение он раскрыл первую общую тему: «Обязанности пешеходов, водителей и пассажиров», — кратко обрисовав её ключевые аспекты и подчеркнув важность этих знаний для будущих водителей.

Вернувшись домой, Дарья устало выдохнула. Голова гудела от обилия информации и напряжения. Она решила. Она заключила договор. Неужели она действительно сядет за руль?

— Приветик мам, — Макар вышел из своей комнаты.

Несмотря на всю нервозность, внутри неё что-то встрепенулось. Проснулся голод — она и не помнила, когда в последний раз чувствовала аппетит?

— Привет, родной, — отозвалась она, вешая пальто на вешалку.

— Ты долго, — без укора проговорил он.

— Прости. Я же звонила, что задержусь. Проголодался?

— Поел бы чего, — буркнул он, продолжая стоять и следить за матерью.

Он уже не знал, как вывести её из ступора. Весь прошлый месяц она была словно тень, робот, механически выполняющий действия. И эти ежевечерние процедуры по обдиранию обоев, что длились уже десять дней, начинали выводить из себя. Он и сам пробовал — обои были приклеены намертво, отколупывались крохотными кусочками, но мама продолжала безропотно посвящать этому занятию большую часть времени, что проводила дома.

Сегодня она ему понравилась больше. На её щеках появился румянец, в глазах мерцала едва уловимая искорка.

— Сейчас я быстренько что-нибудь приготовлю. Яичницу будешь?

— Угу, — отозвался парень и вернулся к себе.

Дарья быстро переоделась, умылась и направилась на кухню. По привычке щёлкнула по кнопке радио. Оттуда донеслись звуки ретро музыки.

Лисик сидел на пороге и жалобно мяукал.

— Сейчас, маленький обжорка, — буркнула Дарья, насыпав в миску порцию сухого корма. Кот радостно захрустел. Пока она крутилась, доставая яйца и колбасу из холодильника, кот уже расправился с ужином и развалился, принявшись вылизывать лапу.

Она достала из шкафа сковороду, бросила на неё пару кружков колбасы и разбила яйца. И вдруг застыла. Какое радио? Что она делает?.. В сознании отчётливо прозвучало: «*Савелий умер, лежит в промерзшей могиле, а я слушаю музыку?*» По спине прокатился озноб, а с лица

отхлынула краска, оставляя бледность. Ей стало так стыдно, что самой захотелось провалиться под землю.

Она опустила на табуретку и уткнулась лицом в ладони, закрывая глаза. Наверное, нужно было сразу выключить это чёртово радио, но она будто приросла к месту. Ощувив холодное присутствие, она стыдливо посмотрела на Тактовщика. Он снова уловил её состояние и появился рядом, обдавая её прохладой. По-прежнему равнодушно смотрел на неё своим немигающим взглядом. Отражение её растерянного лица чётко читалось в его глазах.

На кухне появился Макар. Музыка его ничуть не смутила. Всё казалось нормальным — запах готовящейся еды, ритмичные звуки из радио — всё, кроме поведения мамы. Было очевидно, что с ней что-то происходит.

— Сгорит же, — возмутился он, выключая под сковородой конфорку. — Ты опять зависла? Мам, ну хватит уже.

Её сын разозлился.

Она подняла на него грустный взгляд, и не знала что ответить.

— Ты вообще когда-нибудь будешь нормальной?! — голос Макара сорвался на крик. — Папа умер! Но это не значит, что ты должна превращать себя в зомби. Я тут один что ли пытаюсь жить дальше?

Как она не замечала, что ему тоже больно? Вдвойне. Отца потерял, так ещё и мать угасала на глазах, становясь всё больше похожей на бледный призрак.

Тактовщик медленно повернулся и с интересом взглянул на Макара. Он давно наблюдал за мальчиком, чувствовал, как в нём копится боль, и ожидал подобной вспышки — злость Макара была только внешним проявлением, внутри же нарастал страх, одиночество и отчаяние.

— Нет... — прошептала Дарья, но было поздно.

Руки Тактовщика уже сделали ауфтакт. Теперь она смотрела со стороны, как он настраивает её мальчика. Таинственная сила явственно влияла и на него. Макар замолчал на полуслове. Его кулаки разжались, плечи расслабились, дыхание постепенно выравнилось. Он моргнул, словно приходя в себя, и посмотрел на Дарью, слегка расфокусированным взглядом.

— Мам... — голос его дрогнул. — Я не хотел кричать.

— Все хорошо... — прошептала она. — Это ты меня прости.

Тактовщик отступил назад, растворяясь в тени у стены. Его задача была выполнена. Дарья боялась подпускать Тактовщика к сыну. Достаточно того, что он обрёл власть над ней. Её мальчик не должен становиться марионеткой в его руках. Она не могла отрицать: в самые тяжёлые моменты Тактовщик всегда оказывался рядом, помогал и поддерживал. Но что стояло за этой поддержкой? Какие цели преследовал Тактовщик? Почему проявлял такую заботу? В душе нарастала тревога: так ли бескорыстна его помощь, и какую цену ей придётся заплатить за неё?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.